

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107

И. Н. Спицин*,
И. Н. Тарасов**

Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы)

Аннотация. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта при отправлении правосудия актуализируют комплекс юридических вопросов не только прикладного, но и теоретического характера, в числе которых вопрос формирования юридического понятия «искусственный интеллект» для целей правового регулирования. В юридической литературе прослеживается тенденция атрибутирования признаков субъектности искусственному интеллекту, в связи с чем в статье предпринята попытка критического анализа оснований такого подхода. Авторы обосновывают недопустимость включения признака правосубъектности в содержание понятия «искусственный интеллект», а также аргументируют, что использование определений искусственного интеллекта, базирующихся на описании технико-технологических характеристик, в юриспруденции бесполезно, поскольку не оказывает на правовое регулирование никакого влияния. Инкорпорация искусственного интеллекта как социокультурного явления в правовую действительность требует либо самостоятельного термина для его обозначения в плоскости права, либо наполнения этого понятия специфическим юридическим содержанием. Разработка же такого содержания должна вестись именно в рамках парадигмы юридической науки, поскольку использование категорий и определений иных отраслей и сфер общественной жизни без их юридической адаптации вряд ли будет эффективным для целей правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосудие; судебный процесс; гражданский процесс; арбитражный процесс; судопроизводство; правосубъектность.

© Спицин И. Н., Тарасов И. Н., 2020

* *Спицин Игорь Николаевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
spicigor@mail.ru

** *Тарасов Игорь Николаевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
tarasov.igor.n@gmail.com

Для цитирования: Спицин И. Н., Тарасов И. Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8. — С. 96—107. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107.

Artificial Intelligence in the Administration of Justice: Theoretical Aspects of the Legal Regulation (Articulation of the Issue)

Igor N. Spitsin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
spicigor@mail.ru

Igor N. Tarasov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
tarasov.igor.n@gmail.com

Abstract. Prospects of the use of artificial intelligence (AI) in the administration of justice actualize a set of legal issues that are not only applied but also theoretical in nature, including the issue of the formation of the legal concept of “artificial intelligence” for the purposes of legal regulation. The legal academic literature describes a tendency to attribute signs of subjectivity to artificial intelligence, in connection with which the paper attempts to carry out a critical analysis of foundations of such approach. The authors explain inadmissibility of inclusion of such a characteristic as a legal capacity in the concept of “artificial intelligence.” They also argue that in jurisprudence it is useless to apply definitions of artificial intelligence based on the description of technical-technological characteristics because it has no influence on the legal regulation. The incorporation of artificial intelligence as a sociocultural phenomenon into legal reality requires either an independent term for its designation in the field of law or the filling of this concept with a specific legal content. The development of such content should be carried out within the framework of the paradigm of the legal science, since the use of categories and definitions of other branches and spheres of public life without being adopted to the legal field, is unlikely to be effective for the regulatory purposes.

Keywords: artificial intelligence; justice; judicial process; civil process; arbitration process; legal personality.

Cite as: Spitsin IN, Tarasov IN. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta pri otravlenii pravosudiya: teoreticheskie aspekty pravovoy reglamentatsii (postanovka problemy) [Artificial Intelligence in the Administration of Justice: Theoretical Aspects of the Legal Regulation (Articulation of the Issue)]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law]. 2020;15(8):96—107. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107. (In Russ., abstract in Eng.)

Введение

Одним из направлений оптимизации и повышения доступности правосудия является его электронификация, которая может реализовываться по двум векторам, определяющим раз-

личные аспекты анализа проблем правового регулирования: в инструментальном плане, как использование информационных технологий в качестве средств процессуальной коммуникации¹, и в плане перспектив использования искусственного интеллекта (ИИ) при отправлении

---

¹ Например, Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 27.2.2010 № 1406) предусматривает комплекс мероприятий

правосудия. Актуальность второго вопроса уже не вызывает сомнений, о чем на международном уровне свидетельствует принятие Европейской этической хартии по вопросам использования ИИ в судебных и смежных системах², а на внутрисударственном — Указа Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и утверждение Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, поставившей задачу адаптации нормативного регулирования взаимодействия человека с ИИ и выработки этических норм такого взаимодействия. Поскольку поиск оптимальных моделей правового регулирования немислим без проработки теоретических оснований, обращение юридических исследований к проблемам ИИ является актуальным. В то же время в юриспруденции ощущается недостаток комплексных исследований данного вопроса, что закономерно ввиду относительной новизны темы³. Юриспруденция находится в стадии постановки проблем правового регулирования ИИ — как теоретического, так и прикладного

характера, в числе которых проблемы конструирования юридического понятия ИИ и вопрос правосубъектности⁴.

Вопрос конструирования юридического понятия ИИ может быть рассмотрен во взаимосвязи с вопросом о правосубъектности, поскольку анализ юридической литературы показывает, что атрибутирование субъектности в качестве элемента содержания понятия ИИ является одним из вариантов дискуссионной разработки данной тематики, наряду с встречающимися прямыми утверждениями о необходимости надления ИИ статусом субъекта права либо даже предложениями о нормативном закреплении субъектности ИИ *de lege lata* без теоретической проблематизации оснований к этому⁵.

Искусственный интеллект и проблема субъектности

На наш взгляд основания к атрибутированию признака субъектности при конструировании юридического понятия ИИ отсутствуют. Во-пер-

---

по созданию мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности судов, формирование электронных дел и электронного архива судебных дел и др.

² The CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 19.04.2020).

³ Единственным монографическим юридическим исследованием проблем правового регулирования ИИ в России сегодня является работа: *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

⁴ См., например: *Незнамов А. В.* Ключевые дискуссионные направления развития правового регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники // *Право и технологии: в поисках баланса* : сборник статей / под ред. К. Л. Брановицкого. Екатеринбург, 2019. С. 161—171 ; *Васильев А. А., Шпопер Д.* Искусственный интеллект: правовые аспекты // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 6 (104). С. 23—26.

⁵ См., например: *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. М., 2017. С. 127—168 ; *Васильев А. А., Шпопер Д., Матаева М. Х.* Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // *Юрислингвистика*. 2018. № 7—8. С. 35—44 ; *Дурнева П. Н.*, *Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности* // *Гражданское право*, 2019. № 5 ; *Ястребов О. А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // *Вестник РУДН. Серия : Юридические науки*. 2018. Т. 22, № 3. С. 315—328 ; *Он же.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Т. 13. № 2. С. 36—55 ; проект закона Гришина Д. С. «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»

вых, сама постановка вопроса о субъектности имеет значение только относительно сильного ИИ, создание которого является научно-технической проблемой, принципиальная возможность удачного решения которой на сегодняшний день остается дискуссионной⁶. Во-вторых, размышления о правосубъектности ИИ не могут вестись исключительно в инструментальном ключе без теоретического обоснования, что обуславливает постановку вопроса о критериях конституирования субъектности ИИ, поскольку общей чертой различных концепций правосубъектности является их антропоцентризм.

Применительно к человеку субъектность, как правило, обосновывается либо дескриптивно — через атрибутивные свойства человеческого сознания (воля, способность мышлению, способность к автономному принятию решений, самосознание), либо посредством аксиологического подхода.

Применимость первого подхода к ИИ сомнительна, поскольку отсутствуют основания для однозначного утверждения о возможном наличии сознания даже в перспективе создания сильного ИИ⁷. Бихевиористский тест А. Тьюринга⁸ достаточно убедительно откритикован в научной литературе: можно утверждать об имитации ИИ человеческого поведения, но это не позволяет утверждать о сознании ИИ; ИИ не мыслит, но имитирует мышление, оперируя на синтаксическом, а не семантическом уровне (аргументы китайской комнаты Д. Серла⁹). С другой стороны, предметом регулирования позитивно-

го права является не мышление, а поведение и в этом смысле проблема неопределенности в вопросе о возможности ИИ мыслить применительно к задачам правовой регламентации может быть преодолена. Неважно, мыслит ИИ или нет, поскольку ИИ может действовать, имитируя поведение людей¹⁰, следовательно, поведение ИИ может быть объектом правовой регламентации, что, однако, совсем не означает необходимости признания за ИИ правосубъектности. Субъект права не обязательно должен отождествляться с участником правоотношений, с осуществляемой им правовой ролью¹¹.

Интересным здесь представляется замечание профессора Б. Броцека, обратившего внимание на общую проблему рассогласованности юридической конструкции субъектности с онтологическими философскими основаниями и отмечающего, что сторонники дескриптивного подхода к пониманию субъектности попадают в ситуацию «методологической шизофрении»: с одной стороны, предпринимаются попытки сконструировать понятие субъекта права дескриптивно, т.е. через описание атрибутируемых субъекту ментальных свойств (способность чувствовать, понимать, самоосознавать), с другой стороны, результат такого дескриптивного определения предлагается использовать нормативно, в том числе для решения не только правовых, но и этических вопросов, что порождает определенные проблемы (например, в юридическом смысле человек, не обладающий всей полнотой атрибутируемых субъекту права ментальных свойств все

(п. 3 ст. 127.1, п. 1 ст. 127.5, ст. 127.1) // URL: http://robopravo.ru/matierialy_dlja_skachivaniia#ul-id-4-35 (дата обращения: 19.04.2020).

⁶ Например: *Searle J. R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // Scientific American Vol. 262, Number 1, January, 1990. Pp. 20—25.*

Обзор проблематики по философским основаниям ИИ см.: *Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Third edition. Prentice Hall. 2010. Pp. 1020—1034.*

⁷ *Searle J. R. Op. cit.*

⁸ *Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind, New Series. Vol. 59. No. 236 (Oct., 1950). Pp. 433—460.*

⁹ *Searle J. R. Op. cit.*

¹⁰ *Churchland Paul M., Churchland Patricia Smith. Could a Machine Think? // Scientific American. Vol. 262. № 1, January, 1990. Pp. 26—31.*

¹¹ О критике отождествления субъекта права с участником правоотношений см.: *Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 31—38.*

еще остается субъектом права (недееспособные), с другой стороны, некоторые из ментальных атрибутов субъектности могут обнаруживаться и у не-субъектов права (так, высшие приматы способны переживать психологические реакции, способны к самоидентификации и др.)¹².

Другим вариантом продумывания может стать аксиологическая концепция субъекта, в пределах которой на первый план выходят этические аспекты, и именно они в первую очередь конституируют субъектность (субъект права как социально-правовая ценность)¹³. Быть субъектом — значит быть признанной правом ценностью, самоцелью¹⁴. В то же время на сегодняшний день достаточно четко прослеживается отношение к ИИ как к средству, у него служебные функции. Так, Европейская этическая хартия по вопросам использования ИИ в судебных и смежных системах декларирует принцип контроля за ИИ со стороны человека. При любом использовании ИИ в системах правоприменения должна обеспечиваться автономность пользователя, которая не должна ограничиваться использованием инструментов и сервисов ИИ. Предполагается возможность инструментального использования технологии ИИ с целью составления прогнозов исхода спора¹⁵, имеющих информативный, рекомендательный, но не императивный характер. Человек должен сохранять возможность непосредственно обратиться к судебным данным и решениям, которые использовались ИИ для получения результата, а также иметь возможность отклониться от них с

учетом специфики конкретного дела. Сходные установки можно обнаружить и на внутригосударственном уровне. В Национальной стратегии развития ИИ сущность ИИ определяется как информационная система, выполняющая функцию оказания помощи человеку в принятии решений, при этом функция интерпретации результатов работы ИИ сохраняется за человеком; человек должен иметь возможность подвергать такие результаты сомнению и отменять их. Стратегия говорит о слабом ИИ¹⁶, который, как нам представляется, может использоваться в пределах так называемого «предсказывающего правосудия»¹⁷. Таким образом, говорить о наличии оснований для атрибутирования ИИ признаков субъектности на сегодняшний день преждевременно, что, однако, не снимает задачи конструирования юридического понятия ИИ для целей правового регулирования.

Проблема формирования юридического понятия «искусственный интеллект»

Праву в целом и, как следствие, нормативно задаваемой императивной процессуальной форме присуще свойство формальной определенности. В основе, наверное, любого правового регулирования как юридико-технического инструмента лежит четкое определение границ воздействия механизма регуляции и принципов регулирования, что достигается путем корректного с точки зрения формальной логики и лингви-

¹² Brozek B. The Troublesome «Person» // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn. Editors are Visa A. J. Kurki, Tomasz Pietrykowski. Springer International Publishing AG 2017. P. 7.

¹³ О субъекте права как социально-правовой ценности см.: Архипов С. И. Указ. соч. С. 99—105; Он же. Современные проблемы юридической науки: учебное пособие. Екатеринбург, 2019. С. 128—132.

¹⁴ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 84—102.

¹⁵ Имеется в виду концепция «предсказывающего правосудия» (принцип 5 Европейской этической хартии по вопросам использования искусственного интеллекта в судебных и смежных системах, приложение № 3 к Хартии).

¹⁶ П. 6, 8, 9, 21, 22 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁷ О значении термина «предсказывающее правосудие» см.: приложение III (глоссарий) к Европейской этической хартии по вопросам использования искусственного интеллекта в судебных и смежных системах // Право и технологии: в поисках баланса: сборник статей / под ред. К. Л. Брановицкого. Екатеринбург, 2019. С. 91—92.

стического подхода формулирования понятий, категорий, терминов и дефиниций — элементов механизма правового регулирования.

Формирование понятийно-категориального аппарата необходимо в том числе и для обеспечения прикладной задачи функционирования права, в частности в сфере правоприменения. И без определенности содержания *юридического* понятия «искусственный интеллект», его теоретической проработки правовая регламентация использования соответствующей технологии в судебном процессе если и может быть эффективной, то только случайно.

Таким образом, обращение к понятиям и категориям при формировании и анализе тех или иных регулятивных конструкций представляется неизбежным.

Из каких предпосылок можно исходить при решении этой задачи? Представляется бесспорным, что правовое регулирование есть целенаправленное воздействие на поведение.

На первоначальном этапе развития права (который можно характеризовать как синкретический), прежде всего материального права в его современном понимании, оно возникло как некоторая попытка описания наблюдаемых общественных отношений (купли-продажи, мены, найма и т.п.). На данном этапе не выделялся отдельно понятийный аппарат права, а все юридические модели и конструкции рассматривались как монолитные действия и процедуры, без проведения анализа их структуры, напоминая отношение к религиозным обрядам, которые исполнялись без осмысления причин и целей совершения отдельных их элементов.

Думается, что именно как слепок общественных отношений, описанных в результате наблюдения за моделями поведения в обществе, возникло материальное право в современном его понимании.

В первоначальном виде данное право не содержало самостоятельного понятийно-категориального аппарата. Однако впоследствии в результате трудов глоссаторов и постглоссаторов появляется то, что можно назвать первыми понятиями в праве.

Именно появление не привязанных к конкретным казусам понятий «договор», «субъ-

ект», «обязанность» и прочих демонстрирует выход на качественно новый уровень правового регулирования жизни общества. Постепенно развиваясь, данные понятия со временем приобретают признаки самостоятельного (профессионального) языка, где некоторые лексические единицы приобретают специально отраслевое (юридическое) значение.

После осмысления и принятия теории Ш.-Л. Монтескье о разделении властей в правовом регулировании происходит качественное изменение в виде создания отдельной отрасли права — процессуального права, что обусловлено необходимостью обеспечить работу одной из вновь созданных ветвей власти — судов.

В отличие от материального права, которое возникло как результат описания (наблюдения) за общественными отношениями и которое в некотором смысле можно назвать возникшим естественным образом, процессуальное право — вещь абсолютно искусственная. В обществе сами по себе отношения по разрешению споров специально созданным государственным органом по унифицированным правилам (в единой процессуальной форме) не возникли, они есть результат усложнения жизни общества и его эволюции.

Создание нового правового регулирования (процессуального права) происходило через создание самостоятельного понятийно-категориального аппарата права, исходя из которого впоследствии и создавалась система по рассмотрению и разрешению споров.

Представляется правильным пояснить, что понятие выражает сущность явления, отражает всеобщее и существенное в предметах. Понятие выступает как средство и результат научного мышления, которое развивается в понятийной форме и служит концентрацией знаний о предмете.

Категории являются наиболее общими понятиями, характеризующими объект изучения, при этом необходимо учитывать, что степень обобщения категорий должна быть ограничена границами самого объекта. В этом смысле категории служат способом организации уже полученных знаний об объекте.

Каждая профессиональная сфера, используя отдельные понятия или категории, наделяет их

своим содержанием и смыслом, «перерабатывает» их, чтобы они были пригодны к использованию в уже существующей системе понятийно-категориального аппарата отрасли, могли быть в нее инкорпорированы.

Иными словами, если право имеет необходимость в регулировании нового общественного явления, то понятие, его выражающее, «перерабатывается» юриспруденцией, вписывается в уже существующие понятийные цепочки и категориальные ряды, а не используется в его первоначальном виде.

Не приходится отрицать, что рамки теоретического использования любого понятия, равно как и практические рамки, требуют осмысления его объема, а также его положения в общем строе юридических понятий, конструкций, категорий и ткани права в целом. Полагаем, что осмысление в контексте категориально-понятийного аппарата юриспруденции подразумевает прежде всего анализ характера системных отношений данного понятия, а также происхождение понятия и механизм его формирования, поскольку такой подход к изучению категории или понятия позволяет четко определить его регулятивную функцию.

В определенном смысле можно утверждать, что собственные (т.е. не заимствованные или адаптированные из других сфер деятельности человека) понятия юриспруденции на настоящем этапе развития права есть форма выражения юридической конструкции.

При этом, рассматривая заимствованные понятия, мы говорим о том, что имеет место новое семантическое наполнение некой языковой единицы. Однако процесс инкорпорации семантической единицы языка в систему понятий профессиональной сферы представляет собой не просто придание нового наполнения слову, а предполагает и согласование данной единицы с уже существующими понятиями и категориями, и определенную «переработку» смысла семантической единицы, выраженную в определении, построенного по правилам юридического мышления.

Подобная переработка и наполнение новым смыслом на современном этапе развития права, как правило, приводит к тому, что формируется

юридически корректное определение нового явления, которое встраивается в категориальный аппарат с учетом его атрибутов.

Говоря об определении ИИ, прежде всего полагаем правильным обратиться к легальной дефиниции, закрепленной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: ИИ — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В данном легальном определении полагаем необходимым обратить внимание на то, что это определение по своему характеру, атрибутивным (обязательным) признакам является естественно-научным, поскольку перечисляет ряд признаков и характеристик искусственного интеллекта, которые являются характеристиками не юридического порядка. Кроме того, данное определение не содержит в себе отсылку или референт к какой-либо юридической конструкции, что позволяло бы определить позицию законодателя относительно положения (в рамках какой-либо классификации или типологии) ИИ в системе права. Все это приводит к выводу, что данное определение не носит юридической нагрузки и является декларативным обозначением технических свойств предмета регулирования.

Ученые-правоведы, обсуждая ИИ, либо не определяют предмет обсуждения (ИИ), полагая его само собой разумеющимся понятием, либо оперируют определениями, находящимися вне границ юриспруденции и ее понятийного аппарата.

Так, И. В. Понкин и А. И. Редькина указывают, что «согласно нашему авторскому определению, искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компью-

терно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе — виртуальная, электронномеханическая, биоэлектронномеханическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая: — свойствами субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности, — высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем, — способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубоко самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные “языки” (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе — познавательно-аналитические и творческие, а также связанные

с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе — человеческий)»¹⁸.

Сходным образом поступает и Р. Ф. Закиров, который указывает, что «наиболее полной, на наш взгляд, является дефиниция, данная в начале 1980-х гг. учеными в области теории вычислений Барром и Файгенбаумом. ИИ, по их мнению, — это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, т.е. систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом, а именно понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы»¹⁹.

Близкий к ранее указанным подход демонстрируют и Ю. С. Харитонов²⁰ и В. А. Лаптев²¹.

Одно из наиболее объемных и изобилующих атрибутивными элементами дает П. М. Морхат в своем диссертационном исследовании. Так, он указывает, что, по его авторскому мнению, «искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyberphysical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями:

— антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий (осуществления и демонстрации таких действий), таких, как распознавание, понимание, интерпретация и генерирование образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смысло-порождающее и

¹⁸ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2018. № 1. Т. 22. С. 94—95.

¹⁹ Закиров Р. Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 214.

²⁰ Харитонов Ю. С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта. Современные информационные технологии и право : монография. М. : Статут, 2019. С. 68—83.

²¹ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79—102.

- смысло-воспринимающее) мышление, обобщение, анализ и оценка информации;
- самореферентности, саморегулирования, самоограничения, самоадаптирования под изменяющиеся условия, автономного самоподдержания себя в гомеостазе;
  - самостоятельного (автономного) сложного накопления информации и опыта;
  - самостоятельного (автономного) осуществления генетического поиска (genetic algorithm) и обработки информации, то есть реализации эвристического алгоритма поиска с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации; — обучения и самообучения (в том числе — на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
  - антропоморфно-разумного самостоятельного (автономного), в том числе — творческого, принятия решений, формулирования и решения задач и проблем, доказывания математических теорем;
  - самостоятельной разработки тестов и алгоритмов под собственное тестирование, самостоятельного осуществления самотестирований и тестирований виртуальной (компьютерной) реальности;
  - при заданной и обеспеченной возможности (способности) — сообщения (взаимодействия) с физической реальностью, восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные входы (их аналоги) и реагирования на таковые сигналы, самостоятельного осуществления тестирований физической реальности»²².
- Общей проблемой всех вышеперечисленных определений, которыми руководствовались или

предлагали авторы, на наш взгляд, является то, что данные определения являются неюридическими (техническими), т.е. сформулированными не в рамках правовой парадигмы, а в правилах, понятиях и категориях технических специалистов в этом вопросе.

Именно по этой причине данные определения не приносят ясности в осмысление природы и сущности искусственного интеллекта с точки зрения науки права. Аналогией было использовать определение электрической энергии, которое предлагают физики, а не осмыслять и рассматривать данное явление как товар, в соответствии со ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике».

В приведенных определениях нет никакого отношения описываемого явления к праву, а следовательно, для права данное определение безразлично и не может служить основанием для последующих выводов или анализа.

Отдельными авторами предпринимались попытки (иногда достаточно любопытные) анализа возможности признания правосубъектности за искусственным интеллектом, включая его деликтоспособность²³. Однако, на наш взгляд, серьезным недостатком данного анализа является то, что в его основании отсутствует верифицированное понятие искусственного интеллекта, т.е. автор соглашается с неюридическим определением и использует его как предмет для анализа.

Другие исследователи пытаются смоделировать юридическую конструкцию искусственного интеллекта, так называемое «электронное лицо»²⁴, или обозначить иные вопросы вплетения искусственного интеллекта в ткань права²⁵.

Все вышеописанные подходы и исследования, на наш взгляд, должны быть прежде всего основаны на разработанном и осмысленном

²² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 92—93.

²³ См., например: Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 30—33.

²⁴ См., например: Федорина А. А., К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 4. С. 3—8.

²⁵ См., например: Попова Н. Ф. Основные направления развития правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в сфере гражданских правоотношений // Современное право. 2019. № 10. С. 69—73.

понятии искусственного интеллекта с точки зрения права.

Как справедливо указывал А. М. Васильев, «правовые категории создают своеобразие и качественную определенность научного правового мышления и правовой идеологии в целом. Смысл их изучения заключается в том, чтобы установить, как и в какой степени, существующий набор и структурные связи правовых категорий адекватно выражают свойства, связи и существо явлений и отношений правовой действительности, закономерное и необходимой, обнаруженное в праве»²⁶.

Методологическая важность определенности категориального аппарата права признается и в фундаментальных работах по теории права; так, Ж.-Л. Бертель писал, что «система юридических категорий позволяет устранить беспорядок и неопределенность фактов общественной жизни, поскольку при системном подходе, который предполагает ясные квалификационные критерии, они постигаются намного легче»²⁷.

Осознание того, что, прежде чем что-либо регулировать, необходимо дать четкое определение этому, встречается и в зарубежной литературе. М. Шерер пишет, что «любое регулирование искусственного интеллекта должно четко определить, что именно оно регулирует, иными словами дать определение искусственному интеллекту»²⁸.

Значительное количество работ посвящено не просто ИИ как явлению, подлежащему правовому регулированию, но и мышлению, интеллекту в целом²⁹.

В рамках дескриптивного подхода справедлива постановка вопроса, предложенная

группой ученых из Университета Квинсленда: «Прежде чем определять понятие ИИ, необходимо определиться с тем, что такое мышление в целом»³⁰, следует ли рассматривать мышление как свойство человеческого сознания или мышление может быть реализовано и ИИ. В рамках аксиологического подхода вопрос может быть поставлен следующим образом: обосновано ли и необходимо ли относиться к ИИ как к социально-правовой ценности, а не как к средству служебного характера? Положительные ответы на оба вопроса означали бы отказ от антропоцентристского понимания правосубъектности, что само по себе дискуссионно и сомнительно.

Выводы

На сегодня отсутствуют теоретические основания для утверждений о потенциальной возможности и (или) необходимости наделения ИИ правосубъектностью, даже в контексте интеграции этой технологии в процессуальную деятельность по отправлению правосудия.

Правосубъектность не может и не должна выступать элементом содержания юридического понятия ИИ.

Основная проблема определения понятия ИИ через признак субъектности в рамках как дескриптивного, так и аксиологического подходов — это преодоление антропоцентризма в праве, необходимость такого преодоления сама по себе сомнительна.

Использование определений ИИ, базирующихся на описании технико-технологических характеристик, в юриспруденции бесполезно,

²⁶ Васильев А. М., Указ. соч. С. 61.

²⁷ Бертель Ж.-Л. Общая теория права. М. : Nota Bene, 2000. С. 358.

²⁸ Matthew U. Scherer. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, and Strategies // Harvard Journal of Law & Technology. 2016. Vol. 2. P. 359.

Оригинал цитируемого авторами текста: «Any AI regulatory regime must define what exactly it is that the regime regulates; in other words, it must define artificial intelligence».

²⁹ См., например: Lawrence B. Solum. Legal personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review v. 1231, Vol. 70.

³⁰ Michael Guihot, Anne F. Matthew & Nicolas P. Suzor. Nudging Robots: Innovative Solutions to Regulate Artificial Intelligence // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law, 20(2), P. 393

Оригинал цитируемого авторами текста: «Before defining AI, intelligence must first be defined».

поскольку не оказывает на правовое регулирование никакого влияния.

Инкорпорация ИИ как социокультурного явления в правовую действительность требует либо самостоятельного термина для его обозначения в плоскости права, либо наполнения понятия специфическим юридическим содержанием. Разработка понятийно-категориального

аппарата именно по правилам и с учетом науки права есть необходимое условие для эффективного и корректного правового регулирования любой сферы. Использование же категорий и определений иных отраслей и сфер общественной жизни без их адаптации и переосмысления не может быть признано удовлетворительным с точки зрения юридической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — СПб., 1999. — 216 с.
2. *Архипов С. И.* Современные проблемы юридической науки : учебное пособие. — Екатеринбург, 2019. — 404 с.
3. *Архипов С. И.* Субъект права: теоретическое исследование. — СПб., 2004. — 469 с.
4. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. — М. : Nota Bene, 2000. — 576 с.
5. *Васильев А. А., Шпопер Д.* Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. — 2018. — № 6 (104). — С. 23—26.
6. *Васильев А. А., Шпопер Д., Матаева М. Х.* Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. — 2018. — № 7—8. — С. 35—44.
7. *Васильев А. М.* Правовые категории. — М., 1976. — 264 с.
8. *Дурнева П. Н.* Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. — 2019. — № 5. — С. 30—33.
9. *Закиров Р. Ф.* Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1. — С. 211—219.
10. *Иеринг Р.* Дух римского права. — СПб., 1875. — 321 с.
11. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79—102.
12. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. — М., 2017. — 257 с.
13. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 414 с.
14. *Незнамов А. В.* Ключевые дискуссионные направления развития правового регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники // Право и технологии: в поисках баланса : сборник статей / под ред. К. Л. Брановицкого. — Екатеринбург, 2019. — С. 161—171.
15. *Понкин И. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2018. — № 1. — Т. 22. — С. 91—109.
16. *Попова Н. Ф.* Основные направления развития правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в сфере гражданских правоотношений // Современное право. — 2019. — № 10. — С. 69—73.
17. *Федорина А. А.* К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2018. — № 4. — С. 3—8.
18. *Харитоновна Ю. С.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право : монография. — М. : Статут, 2019. — С. 68—83.
19. *Ястребов О. А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. — 2018. — Т. 22. — № 3. — С. 315—328.
20. *Ястребов О. А.* Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36—55.
21. *Brozek V.* The Troublesome «Person» // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn. Editors are Visa A. J. Kurki, Tomasz Pietrykowski. — Springer International Publishing AG, 2017. — Pp. 3—14.
22. *Guihot M., Matthew A. F. & Suzor N. P.* Nudging Robots: Innovative Solutions to Regulate Artificial Intelligence // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. — 20 (2). — Pp. 385—456.
23. *Russel S. J., Norvig P.* Artificial Intelligence: A Modern Approach. — Third edition. — Prentice Hall, 2010. — 1132 p.
24. *Scherer M. U.* Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, and Strategies // Harvard Journal of Law & Technology. — 2016. — Vol. 2. — Pp. 354—400.

25. Searle J. R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // *Scientific American*. — Vol. 262. — No. 1. — 1990. — Pp. 20—25.
26. Solum L. B. Legal personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. — V. 1231. — Vol. 70. — Pp. 1232—1288.
27. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind, New Series*. — Vol. 59. — No. 236 (Oct., 1950). — Pp. 433—460.

Материал поступил в редакцию 19 апреля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N. *Osnovy filosofii prava*. — SPb., 1999. — 216 s.
2. Arhipov S. I. *Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki : uchebnoe posobie*. — Ekaterinburg, 2019. — 404 s.
3. Arhipov S. I. *Sub"ekt prava: teoreticheskoe issledovanie*. — SPb., 2004. — 469 s.
4. Berzhel Zh.-L. *Obshchaya teoriya prava*. — M. : Nota Bene, 2000. — 576 s.
5. Vasilev A. A., Shpopov D. *Iskusstvennyj intellekt: pravovye aspekty // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2018. — № 6 (104). — S. 23—26.
6. Vasilev A. A., Shpopov D., Mataeva M. H. Termin «iskusstvennyj intellekt» v rossijskom prave: doktrinalnyj analiz // *Yurislingvistika*. — 2018. — № 7—8. — S. 35—44.
7. Vasilev A. M. *Pravovye kategorii*. — M., 1976. — 264 s.
8. Durneva P. N. *Iskusstvennyj intellekt: analiz s točki zreniya klassicheskoy teorii pravosub"ektnosti // Grazhdanskoe pravo*. — 2019. — № 5. — S. 30—33.
9. Zakirov R. F. *Ispolzovanie sovremennyh IT-tehnologij kak sredstvo dostizheniya osnovnyh zadach sudoproizvodstva // Vestnik grazhdanskogo processa*. — 2018. — № 1. — S. 211—219.
10. Iering R. *Duh rimskogo prava*. — SPb., 1875. — 321 s.
11. Laptev V. A. *Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki*. — 2019. — № 2. — S. 79—102.
12. Morhat P. M. *Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad : nauchnaya monografiya*. — M., 2017. — 257 s.
13. Morhat P. M. *Pravosub"ektnost iskusstvennogo intellekta v sfera prava intellektualnoj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy : dis. ... d-ra yurid. nauk*. — M., 2018. — 414 s.
14. Neznamov A. V. *Klyuchevye diskussionnye napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Pravo i tekhnologii: v poiskah balansa : sbornik statej / pod red. K. L. Branovickogo*. — Ekaterinburg, 2019. — S. 161—171.
15. Ponkin I. V., Redkina A. I. *Iskusstvennyj intellekt s točki zreniya prava // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya : Yuridicheskie nauki*. — 2018. — № 1. — T. 22. — S. 91—109.
16. Popova N. F. *Osnovnye napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta, robotov i ob"ektov robototekhniki v sfere grazhdanskih pravootnoshenij // Sovremennoe pravo*. — 2019. — № 10. — S. 69—73.
17. Fedorina A. A. *K voprosu o pravovom statuse robototekhniki i iskusstvennogo intellekta // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i biznes»*. — 2018. — № 4. — S. 3—8.
18. Haritonova Yu. S. *Pravovoj rezhim rezultatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // Sovremennye informacionnye tekhnologii i pravo : monografiya*. — M. : Statut, 2019. — S. 68—83.
19. Yastrebov O. A. *Iskusstvennyj intellekt v pravovom prostranstve // Vestnik RUDN. Seriya : Yuridicheskie nauki*. — 2018. — T. 22. — № 3. — S. 315—328.
20. Yastrebov O. A. *Pravosubektnost elektronogo lica: teoretiko-metodologicheskie podhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. — 2018. — T. 13. — № 2. — S. 36—55.
21. Brozek B. *The Troublesome «Person» // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*. Editors are Visa A. J. Kurki, Tomasz Pietrykowski. — Springer International Publishing AG, 2017. — Pp. 3—14.
22. Guihot M., Matthew A. F. & Suzor N. P. *Nudging Robots: Innovative Solutions to Regulate Artificial Intelligence // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. — 20 (2). — Pp. 385—456.
23. Russel S. J., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. — Third edition. — Prentice Hall, 2010. — 1132 p.
24. Scherer M. U. *Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, and Strategies // Harvard Journal of Law & Technology*. — 2016. — Vol. 2. — Pp. 354—400.
25. Searle J. R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // *Scientific American*. — Vol. 262. — No. 1. — 1990. — Pp. 20—25.
26. Solum L. B. Legal personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. — V. 1231. — Vol. 70. — Pp. 1232—1288.
27. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind, New Series*. — Vol. 59. — No. 236 (Oct., 1950). — Pp. 433—460.